

На заметку стихотворцу

Памятные литературные даты ноября

9 ноября – 125 лет со дня рождения **Велимира Хлебникова** (Виктора Владимировича, 1885 – 1922), поэта-футуриста,

поэта для поэтов, автора поэм: «Журавль», «Шаман и Венера», «Война в мышеловке», «Ладомир», «Ночь в окопе», «Ночь перед Советами»; драм: «Маркиза Дзезес», «Девый бог», «Зангези»; прозы: «Ка», «Октябрь на Неве»; теоретических работ: «Учитель и ученик», «Слово как таковое», «Наша основа», «Доски судьбы» (математическое изучение истории).

Он обогатил русский язык «словоновшествами» (неологизмами) могатырь, времери, смехачи, творяне...

28 ноября – 130 лет со дня рождения **Александра Александровича Блока** (1880 – 1921), автора книг: «Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная радость», «Снежная маска», «Ночные часы», «Стихи о России», «Стихотворения» (1-3 кн.), «За гранью прошлых дней», «Седое утро»; поэм: «Ночная фиалка», «Соловьиный сад», «Двенадцать», «Возмездие», «Скифы»; драм: «Балаганчик», «Незнакомка», «Роза и Крест», критических работ: «Безвременье», «О реалистах», «Россия и интеллигенция», «Стихия и культура», «О современном состоянии русского символизма» «Интеллигенция и революция» и многих других.

Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли ту горсть земли, которая годится, чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы, да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы При жизни никому нельзя отдать.

28 ноября – 95 лет со дня рождения **Константина Михайловича Симонова** (1915 – 1979), поэта, прозаика, драматурга, Героя Социалистического Труда, автора сборников: «Настоящие люди», «Дорожные стихи», «Лирический дневник», «Фронтные стихи», «Война», «Друзья и враги», «Вьетнам. Зима семидесятого...»; поэм: «Ледовое побоище», «Суворов», «Сын артиллериста», «Первая любовь», «Иван да Марья», «Отец»; романа-трилогии «Живые и мёртвые», повестей: «Дни и ночи», «Дым отечества», «Случай с Полюниным»; пьес: «История одной любви», «Парень из нашего города», «Русские люди», «Русский вопрос», «Четвёртый»; книг, статей, очерков, рассказов...

Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли ту горсть земли, которая годится, чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы, да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы При жизни никому нельзя отдать.

Забрели из той эпохи...
фото А. ИОНОВОЙ

Стихи писали и до нас

Родина

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

Усадьба ночью, чингисхань!
Зря ночная, заратустры!
А небо синее, моцарты!

Велемир Хлебников

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

Александр Блок

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,

Константин Симонов

Ещё раз о рифме

Будьте внимательны к односложным рифмам: часы – ты, души – цени не рифма. Рифма: мечты – ты, души – в тиши.

Ему всегда чего-то не хватает

Георгий Спиридонов – павловский журналист, известный по публикациям в «Павловском металлисте», в «Земле нижегородской», в «Нижегородских новостях», в «Нижегородской правде», в альманахе «Возрождение».

Из очередной книги его рассказов и очерков «В городе моём» публикуем очерк «Ему всегда чего-то не хватает».

Виктор Безумнов, кажется, может всё. Когда он вернулся из Владивостока домой на родину, в село Велетьма Кулебакского района, то все в нём признали отменного плотника и столяра, видя, как бывший моряк почти в одиночку переделывает доставшийся ему в наследство от бабушки дом.

А потом земляки узнали, что к ним в посёлок возвратился не моряк, а художник, поскольку стал преподавать изобразительное искусство в местной школе, а сейчас тот же предмет ведёт в районной школе искусств. Неоднократный участник различных художественных выставок, его картины хорошо раскупаются. Например, супруга одного магната заплатила за велетьминский пейзаж столько, что хватило на покупку фортепьяно для сына.

И вот ещё чем удивил всех знакомых от мала до велика: создал в школе кукольный театр «Солнечный зонтик», ставший со временем народным. Детишки увлеклись шитьём кукол, заучиванием ролей. Благодаря актёрским поездкам, познакомились со всеми крупными городами области. А родители рады, что их чада заняты серьёзным делом, которое помогает учёбе, а не отвлекает от неё.

Один из спектаклей поставлен по тексту самого руководителя театра. А ещё он пишет

стихи и песни, сам же их исполняет, заворожив однажды бардовской песней всех участников Грушинского фестиваля. Дома у него, кроме фортепьяно, баян, балалайка и гитара. Его сын, тоже Виктор, в кукольном театре с двенадцати лет был режиссером, увлекается музыкой. Внучка Лариса давно живёт у такого замечательного деда и старается во всём ему подражать.

Но в последнее время Виктор Безумнов становится известен как специалист по лепке из глины. Само собой чашки-плошки, но это так, для тренировки рук, да и посуда в хозяйстве пригодится. Главное же – это скульптурная лепка. А лучше всего у мастера получаются разнообразные соловьи-свищульки и другие миниатюрные разукрашенные фигурки. У хозяина во дворе две печи для обжига глиняных изделий: одна попроще, другая сложнее. Ведь обжиг – это решающая технологическая часть гончарного ремесла. Такие изделия художника, да ещё искусно раскрашенные, привлекают внимание посетителей любой выставки ремёсел, таких мастеров, как Безумнов, постоянно приглашают на дни рождений различных городов Нижегородской и Владимирской областей, Подмосковья.

Помните песню семидеся-

А мне всегда чего-то не хватает:
Зимой – лета, осенью – весны.

Так вот выросшему под этот мотив паренюху из сухопутной Велетьмы, что в окружении моря Муромских лесов, захотелось поискать романтики подальше от малой родины. Укатил почти на край земли – во Владивосток. После окончания мореходки восемь лет ходил в заграничье из зимы в лето и обратно. А потом вразвалочку сошёл на берег и поступил на дневное отделение Владивостокского художественного института, где и прозанимался пятилетку. От моря захотелось на сушу. Из всех Владивостокских вещей в дальнюю дорогу взял самое ценное – книги по искусству. С тех пор за тринадцать лет его библиотека значительно пополнилась и составила раздельную стенку между двумя комнатами в его просторном доме. Ценность библиотеки не в количестве книг, не в редких изданиях по искусству, а в том, что с согласия хозяина пользоваться литературой по искусству может любой творческий человек.

Георгий СПИРИДОНОВ
На снимке: Виктор Безумнов

О назначении поэта

(в сокращении)

На берега пустынных волн,
В широком дубровы.

Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести своё творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не весёлая; она трагическая; Пушкин вёл свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, которым не мог мешать внешнему, ибо дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога.

Мы знаем Пушкина – человека, Пушкина – друга монархии, Пушкина – друга декабристов. Всё это бледнеет перед одним: Пушкин – поэт.

Поэт – величина неизменная. Могут устареть его язык, его приёмы; но сущность его дела не устареет. Люди могут отворачиваться от поэта и от его дела. Сегодня они ставят ему памятники; завтра хотя бы сбросить его с корабля современности». То и другое определяет только этих людей, но не поэта; сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна; то или иное отношение людей к поэзии в конце концов безразлично.

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он – сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Из хаоса рождается космос, мир, учил древние. Космос – родной хаосу, как упругие волны моря – родные гудам океанских валов. Сын может быть не похож на отца ни в чем, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына.

Похищенные у стихии и приведённые в гармонию звуки, внесённые в мир, сами начинают творить своё дело. «Слова поэта суть уже его дела». Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в гудам человеческого хаоса; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название «человек»; части, годные для создания новых пород; ибо старая, по-видимому, быстро идёт на убыль, вырождается и умирает.

Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесённой в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и со-единенные человеческие силы. «Когда бы все так чувствовали силу гармонии!» – томится одинокий Сальери. Но её чувствуют все, только смертные – иначе, чем бог – Моцарт. От знака, которым поэзия отмечает на лету, от имени, которое она даёт, когда это нужно, – никто не может уклониться так же, как от смерти. Это имя даётся безошибочно.

Первое дело, которого требует от поэта его служение, – бросить «заботы суетного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. Это требование выводит поэта из ряда «детей ничтожных мира».

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,

Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук, принят в душу. Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины в чужеродный внешнему миру звук был заключён в прочную и осязательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию. Это – область мастерства. Мастерство требует вдохновения так же, как приобщение к «родимому хаосу»; «вдохновение, – сказал Пушкин, – есть расположение души к живейшему приятию впечатлений и сообразию понятий, следовательно и объяснению оных»; поэтому никаких точных границ между первым и вторым делом поэта провести нельзя; одно совершенно связано с другим; чем больше поднято покровов, чем напряжённее приобщение к хаосу, чем труднее рождение звука, – тем более ясную форму стремится он принять, тем он протяжней и гармоничней, тем неотступней преследует он человеческий слух.

Наступает очередь для третьего дела поэта: принятые в душу и приведённые в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью.

Вряд ли когда бы то ни было чернью называлось простонародье. Разве только те, кто сам был достоин этой клички, применяли её к простому народу. Пушкин собирал народные песни, писал простонародным складом; близким существом для него была деревенская няня. Поэтому нужно быть тупым или злым человеком, чтобы подумывать, что под чернью Пушкин мог разуметь простой народ. Пушкинский словарь выяснит это дело – если русская культура возродится.

Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский», давая собирательное имя той родовой придворной знати, у которой не осталось за душой ничего, кроме дворянских званий; но уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь. Чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него «пользы», как просто говорит Пушкин; требует, чтобы поэт «сметал сор с улиц», «просвещал сердца собратьев» и пр.

Однако дело поэта совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира. Задачи поэта, как принято у нас говорить, общекультурные; его дело – историческое. Поэтому поэт имеет право повторить вслед за Пушкиным:

И мало горя мне,
свободна ли печать
Морочит олухов,
иль чуткая цензура
В журнальных замыслах
застесняет балагура.

Мы умираем, а искусство остаётся. Его конечные цели нам неизвестны и не могут быть известны. Оно единолично и нераздельно. Я хотел бы, ради забавы, провозгласить три простых истины: никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать.

В этих весёлых истинах здравого смысла, перед которым мы так грешны, можно поклясться весёлым именем Пушкина.

Александр БЛОК